

Панков В. К. Бегущий день ; Обстоятельства, личная воля и «звездный час» человека / В. Панков // В живом потоке : о сов. лит. 1945-1975 гг. : избр. работы / В. Панков. — Москва, 1979. — С. 141-148 ; 243-258.

Бегущий день

Отразить новый исторический опыт народа — это и значит раскрыть главное в нашей современности. Вполне понятно поэтому: в литературе усилилось внимание к размышлениям о смысле жизни с учетом этого большого опыта.

...Идут по сельской улице два человека, «обремененные будничными житейскими заботами». И видят: в бескрайнем пространстве, в пороше Млечного Пути, «с напористым упрямством» летит крупная звезда, горящая сочным светом, — «пересекая привычные созвездия, плыл спутник».

Двое во глубине страны далеки от тех, кто сотворил это чудо. Но они воспринимают его как свою гордость, как призыв к творчеству в обыкновенной повседневности и лично для себя. «...Меня теперь распирает дерзость, я хочу многого. Почему бы мне не мечтать с размахом?» — думает один из них. Его мысли переключаются на свою школу, на уроки русского языка. А вместе с тем волнуют думы о человечестве, о смерти и бессмертии, о настоящем и будущем, о призвании каждого человека в жизни...

Может быть, это странное переплетение мыслей? Один поток их о том, как учить детей: например, отправить целый класс из села Загорья в Москву на месяц или даже на всю четверть, а московских ребят привезти в Загорье. Другой поток — о чем мечтать, точнее, как связать «эту минуту с будущим»? Подобные настроения и думы знакомы многим. Здесь же речь идет о литературном персонаже — Андрее Васильевиче Бирюкове из романа В. Тендрякова «За бегущим днем» (1959).

Учитель средней школы из села Загорье Андрей Бирюков взялся за перо (повествование ведется от его

имени) не только для того, чтобы рассказать о своих педагогических опытах и борьбе, сопровождающей их. Цель его шире и значительней — он беспокойный и мыслящий человек, озабоченный раздумьями о том, как надо прожить жизнь, какой след в ней оставить. Его постоянно волнует проблема о смысле деятельности «обыкновенного» человека.

В молодости ему хотелось стать художником. Когда он приехал в Москву поступать в институт, его обуревали возвышенные и в немалой степени тщеславные мысли. Юноша, проводящий первую ночь в столице на деревянном диванчике в коридоре института, спал в мечтах. Но, как это ни горько, художественного таланта у него не оказалось, а стать «трудолюбивой бездарностью» он не захотел: «Талант и бездарность не уживаются. Там, где восторжествовал талант, бездарности делать нечего».

Поиски жизненного призвания у Андрея затягиваются. Поняв, что художник из него не получится, он уезжает из Москвы, поступает в педагогический институт, женится, становится учителем сельской школы. Да, при формировании личности нередко случается так, что призвание открывается в той сфере деятельности, о которой вступающий в жизнь человек не думал, не заглядывал, не «примерял» себя к ней, а ее к себе. В романе вопросы «где быть? кем быть?» сочетаются с проблемой «каким быть, как действовать, проявлять свои творческие силы?».

У категорического, не привыкшего к примирению с малым в отношении принципиальных жизненных критериев Андрея Бирюкова нет колебаний — он только за большое: «Я презирал тех, чья жизнь пуста и бесплодна, я ждал будущего, пусть трижды тяжелого, трижды неустроенного, но заполненного большими делами. Большими!»

Не всякий на его месте решился бы добровольно оставить знаменитый столичный институт, где каждый день встречаешься с прославленными людьми, мастерами искусства. Но этот шаг, конечно трудный, предпринят им не из-за отчаяния. Андрея воодушевляет мысль, выраженная в первых же строках и показывающая путь его исканий: «Мое будущее началось до моего рождения».

Иными словами, люди предшествующих лет подготовили это будущее. Бирюков ощущает себя и свое поколение звеном в цепи поколений, увлеченно желает передать чувство будущего другим. «Будущее — это воздух жизни, движение жизни, это сама жизнь». Да, герой романа при всех своих первых неудачах, реальных трудностях не поддается безволию. Своим трудом он хочет сделать «собственную часть нового».

Таким образом, Андрей Бирюков, являющийся персонажем-повествователем (речь не идет об отождествлении героя-рассказчика и автора романа), все время держит читателя в атмосфере напряженных раздумий и, надо отдать ему должное, затрагивает мысли волнующие, актуальные, значительные. У нас возникает с Бирюковым немало несогласий, но нас действительно волнуют его размышления о «воздухе жизни» — будущем.

Не только рассуждать, философствовать, но и действовать, активно бороться за практическое осуществление своих идей способен Бирюков. Писатель проводит героя романа по различным ступеням живого практического дела. Оно в романе столь же необходимо, как изобретение локатора в романе Д. Гранина «Искатели», как шагающий экскаватор в «Иркутской истории» А. Арбузова, как нефтяные вышки в повести А. Рекемчука «Время летних отпусков»... В. Тендряков показывает слитность качеств думающего и действующего героя.

Пятый год работает Бирюков в школе. И начинает сознавать, что его работа превращается в механическое исполнение обязанностей. «И так изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год...» Бирюкова гнетет не только однообразие. Его не удовлетворяют методы обучения и воспитания, он видит пороки отрыва школы от жизни. Образцовая, известная в области десятилетка во главе со знаменитым директором Степаном Артемьевичем Хрустовым, вопреки сложившемуся мнению, оказывается не такой уж благополучной. Выводы Бирюкова во многом совпадают с теми суждениями, которые высказывались на страницах печати в проходившей как раз тогда, в середине 50-х годов, дискуссии о реформе системы образования.

«Педагогическую основу» романа, конечно, не следует принимать за своеобразную художественно-публицистическую инструкцию. Сам Бирюков не настаивает на

том, что все в его предложениях непогрешимо, да и не одной новой системой занимается он. На страницах романа хорошо раскрыта поэзия педагогического труда.

Избранная В. Тендряковым форма романа от первого лица, романа-исповеди, как известно, особенно трудна. Думается, она привлекла автора открытой возможностью поставить героя лицом к лицу с читателем и тем самым углубиться в психологию современного простого человека. Тот факт, что герой выступает и в качестве повествователя, по существу литератора, уже является фактором характеристики его духовного мира.

Но, узнав много интересного об Андрее Бирюкове, мы должны прямо сказать: с ним, с этим персонажем, а следовательно, и с В. Тендряковым приходится не только соглашаться, но и спорить по принципиальным вопросам. Часто Андрей Бирюков с нажимом говорит о том, что у него нет особых талантов: «Природа не оделила меня особым талантом. Я самый заурядный из заурядных, увы, не сотворю ничего такого, что умилило бы потомков. Но уверен, что руками моих учеников будут совершаться великие дела на земле». «Почему я, человек без особых способностей, не одаренный значительным умом, должен оказаться в числе особых удачников?»

Читатель, конечно, понимает: в автохарактеристиках Бирюкова необходимо делать «поправку на скромность». Он действительно строго, порою резко отзывается о себе. Повторяем, в этом можно видеть скромность, самокритичность Андрея Васильевича, однако другие его черты вызывают иное впечатление. В воззрениях Андрея Бирюкова немало явной непоследовательности, снижающей веру в то, за что он ратует, за что борется. Прежде всего, на поверку оказывается: ему недостает демократизма, уважения и доверия к таким же обыкновенным людям, как он сам. Часто и очень многие кажутся ему малоподвижными, инертными, косными, а об иных, даже незнаемых в лицо, он склонен думать с удивительным для него снобизмом.

Еще в студенческие годы он пренебрежительно рассуждал: «Снова работать преподавателем физкультуры? Ни в чужой школе, ни в своей не хочу. Сесть в учреждение, в какой-нибудь маслопром или райпотребсоюз?.. Нет, нет и нет! Это не будущее, это отказ от него».

Правда, это было вначале, в юности, когда некоторым мечтателям самыми заманчивыми представляются «красивые» профессии. Однако Бирюков даже не сознавал, насколько неблагородно, недемократично пренебрегать другими профессиями, а значит, и людьми только потому, что они работают в маслопроме или райпотребсоюзе.

Юношеские заблуждения Андрея не стоило бы вспоминать, если бы в зрелом возрасте не проявлялась та же узость взглядов, только в иной связи. Будучи новатором по духу (в этом ему нельзя отказать), он мало и плохо видит вокруг себя таких же ищущих, горящих творческим беспокойством людей. В селе Загорье он нашел только двух единомышленников — учителя физики Василия Тихоновича Горбылева и жену секретаря райкома Валентину Павловну Ващенко. Сочувствуют ему еще два учителя, но активной поддержки не оказывают. Большинство других зачислено в недружественную или прямо враждебную среду.

Составить представление о других читатель может лишь со слов Бирюкова-рассказчика. Учítываем, что в ходе борьбы он более отчетливо видит именно противников. Стараясь сохранять объективность, он говорит об отдельных хороших человеческих качествах директора школы Степана Артемовича, убеждается, что было ошибочным его первое нелестное впечатление об учителе Василии Тихоновиче. Все это так. Но слишком многие, очень многие кажутся ему рутинерами. Поэтому получается картина борьбы одного человека против целой стены недругов. Так, жена Андрея Тоня ничего не хочет знать, кроме своего домашнего очага. Преподаватель географии Акиндин Акиндинович Поярков с супругой отгородились от мира сараюшками и клетями. Их сын Анатолий Акиндинович тупо самодоволен и озабочен только тем, чтобы не допустить детей до «порочной свободы». Завуч школы Тамара Константиновна слушать не желает о каких-либо новшествах. В школе много других учителей. О них сказано суммарно: «Никто из них не желает мне зла, но если станет выбор, кого поддержать — меня или Степана Артемовича, то каждый, без сомнения, поддержит директора».

Почти не у кого найти Бирюкову поддержку и вне школы. Заведующая районным отделом народного обра-

зования Коковина «никогда против течения не плавает» и всегда будет «на стороне того, чей голос громче». Редактор газеты Клешнев «слишком труслив». Секретарь райкома Ващенко в общем-то «честнейший и доброжелательный человек», но он обычно подвержен сомнениям, ищет компромиссных решений. Друг студенческих лет Павел Столбцов, теперь инспектор областного отдела народного образования, стал карьеристом. Ученые мужи в областном пединституте профессора Краковский и Никшаев всю жизнь только тем и занимаются, что мелочно спорят: оставлять в неприкосновенности или урезать академический час.

Дело здесь не в арифметических соотношениях, а в том, что Бирюкову не хватает демократизма, что он нечуток к исканиям и раздумьям других. Писатель, изображающий борьбу за новое, конечно, сталкивается с отрицательными фигурами и не жалеет для них сатирических красок. Трудности борьбы не отвлечены, а проявляются именно как столкновения характеров. Расстановка сил определяется, повторим, не арифметическим подсчетом, а сущностью образов. Но когда новатор оказывается в плотном окружении одних противников разного калибра, а отдельные его сторонники пассивны, в конце концов становится неясно, как и почему он побеждает. Сам новаторский поиск Бирюкова выступал бы достоверней и убедительней, если бы он не рисовался одиноким.

Здесь со всей очевидностью ощущается внутренняя противоречивость романа. Привлекательны черты ищущего, деятельного Андрея Бирюкова. Но кажется неоправданным, что он не умеет видеть таланты в своих современниках. Он мельком говорит: «В разных местах, разные по характеру учителя пытались решать наиболее важные вопросы». Так разве не эти люди в противовес замшелым Акиндиным Акиндиновичам должны были бы силой художественных образов подтверждать правильные идеи Андрея Бирюкова о творческом духе простого человека?!

Недостает роману и художественной цельности. Несомненно, в нем чувствуется перо самобытного писателя. С большим интересом читаются страницы о студенческих годах Бирюкова. Волнующая лирика, передающая чувство любви Андрея к дочери. Разносторонен харак-

тер Степана Артемовича. Патетичны переживания Бирюкова при виде космического спутника. Но на других страницах с удивлением видишь несвойственную предыдущим произведениям В. Тендрякова «литературщину».

Итак, в романе «За бегущим днем» ставились актуальные проблемы, но в решении их были и спорные моменты. О романе появилось много статей. Разбор критических точек зрения (статей Е. Стариковой, Г. Бровмана, Т. Трифионовой, Ю. Суровцева и других) сделал И. Виноградов в журнале «Вопросы литературы» (1961, № 1). Он нашел сходство взглядов преимущественно в анализе художественных неудач. Правда, вывод этот не совсем точен, так как сам же обозреватель показал и близкие пункты в оценке положительных сторон романа. Важнее другое его заключение: каковы причины того, что читатель не так видит героя, как предлагает ему автор? И. Виноградов справедливо писал, что авторское отношение к герою не вполне объективно и не до конца правильно: «И потому приходится спорить с автором. Приходится сожалеть, что, заблуждаясь сам в оценке героя, он не помогает до конца разобраться в нем читателю».

Образом Бирюкова автор во многом интересно отразил те характерные черты нашего времени, которые проявляются в активизации современников. Однако В. Тендряков не использовал своего писательского права объективно, если надо критично, оценивать качества и поступки персонажа, находящиеся в разладе с творческими устремлениями того же Бирюкова.

Весьма примечательно, что тогда же, в конце 50-х годов, была завершена лирическая, яркая книга Ольги Берггольц «Дневные звезды» (1954—1959). Третьей частью ее стала повесть «Поход за Невскую заставу» (1959). Она со всей убедительностью раскрывает значение огромной идейной и нравственной силы человека.

Сама композиция записок, своеобразного лирического дневника, приковывает мысль читателя к высшим точкам в жизни героев. Мы найдем здесь рассказ и о пионерском детстве, и о комсомольцах 20-х годов, и о псковской крестьянке Авдотье, и о бомбежках осажденного Ленинграда, и о муках голода в железном кольце блокады, и о преданной любви... Разные люди, события, судьбы. Но озарены они теми «дневными звездами».

ми», теми высокими и главными побуждениями, которые делают людей стойкими, сильными, внутренне красивыми.

Несколько раз повторяет О. Берггольц подзаголовок — «День вершин». Повторяет потому, что, можно сказать, по вершинам духовного подъема героев «ориентирует» свой рассказ, потому, что стремится со всей достоверностью передать «нравственный опыт эпохи». Хочется воспроизвести весьма значительные слова автора о народе, человеке и писателе, о титанической биографии нашего современника:

«Он хочет увидеть нравственный путь свой без прикрас и без прибеднения, без умолчаний и без болтовни, без преувеличения, но и без умалений. Быть может, так дневная звезда томится своей невидимостью и «жаждет обнаружения», жаждет не только увидеть себя, но хочет знать, что ее увидели и узнали другие, хочет поделиться с другими своим заветнейшим, своим невидимым, своим глубинным светом. Советский же человек с его титанической биографией не только хочет поделиться своим духовным опытом с современниками-соотечественниками, но и с людьми всего мира, но и с потомками, и не глухо, не «немой исповедью», не скороговоркой, а через главную, «большую книгу» своего писателя».

Это верно говорит о том, чего мы ждем от литературы, почему возлагаем на нее все большие надежды. Мы знаем, как много уже сказала советская литература о духовном опыте народа, пролагающего новые пути в истории человечества. Но и прежний опыт далеко не весь еще отразился в книгах, и новый растет ежедневно. Поэтому так и пристален интерес к новаторству, к философским размышлениям о смысле жизни у наших действующих и думающих героев.

Действенность и раздумья

Нужно подчеркнуть именно эту связь — связь действий и раздумий, что так характерно сказалось, кроме названных книг, в романах «Соль земли» Г. Маркова, «Орлиная степь» М. Бубеннова, «Доро-

снова об отце: «Сказал отец голосом, похожим на скрип новых сапог».

Конечно, здесь мы имеем дело со смелыми ассоциациями. К счастью, автор, видимо, сам почувствовал их чужеродность строю повести и в дальнейшем не увлеклся натянутыми сравнениями.

Психологическое состояние Геры в день похорон Семена Ивановича раскрыто без того понимания души подростка, которое важно в такой ситуации. Гера увлеченно купается вместе с Сумико, учит ее плавать. Он даже забыл, что сегодня похороны. Напомнила девочка. Ребята принесли венок на кладбище. Но их быстро оттеснили. Думается, в данном случае героев оттеснил автор. Здесь важные эпизоды проскакивают очень быстро. Ну и, наверное, не очень точно резюмировать столь напряженный день словами: «Я возвратился домой усталый, но довольный». Правда, Гера доволен тем, что уничтожил на огороде рыбинский табак. Но ведь в этот день были и похороны!

Замечания о недостатках повести не отменяют общего хорошего впечатления о ней. Она заставляет читателя вспомнить свои белые пароходы детства.

Пристально внимание современной литературы к многообразию гражданских чувств. С этими же устремлениями искусства мы встречаемся во многих произведениях, разбор которых еще впереди. Сосредоточиваясь далее на темах гуманизма, героики, развития творческих сил советского общества, мы должны будем вернуться к тем же проблемам гражданственности, самобытности и активности нашего современника. И это естественно, так как громадна, горячо актуальна многосторонняя тема воспитания гражданских чувств в современной советской литературе.

**Обстоятельства,
личная воля
и «звездный час» человека**

В понимании гуманизма всегда был и будет важен вопрос о личной воле, личных деяниях, личных устремлениях человека. На какие общественные идеалы и силы он ориентируется? Какие пути вы-

бирает? Что сам вносит в жизнь? Эти проблемы вновь и вновь возникают в искусстве.

При целом ряде споров, которые завязывались вокруг произведений В. Тендрякова, особенно таких, как повести «Тройка, семерка, туз», «Суд», «Короткое замыкание», «Подёнка — век короткий», весьма примечательна острая постановка писателем нравственных проблем.

Вскоре после романа «За бегущим днем» (1959) В. Тендряков напечатал повесть «Тройка, семерка, туз» (1960). И снова она привлекла большое внимание. В предыдущих произведениях — в рассказах «Падение Ивана Чупрова», «Ухабы», повестях «Не ко двору», «Чудотворная», в романе «Тугой узел» — он вел борьбу за новое, за деятельного, передового человека суровым словом обличения пороков и пережитков. В. Тендряков стремится обнаружить тайное тайных в поведении отрицательных типов, так сказать, механику их поступков, взгляды, противостоящие общественной морали. Он как бы «взрывает» нутро порочных характеров.

Так представил он ряшкинский кулацкий дух, поповскую елейность и изворотливость отца Дмитрия, так показал чупровскую самостийность, потащившую хорошего в прошлом колхозного руководителя на стезю личной наживы... Остроконфликтная борьба в произведениях В. Тендрякова выявляет также характеры принципиальных, духовно сильных людей — Федора Соловейкова, Игната Гмызина, Горбылева и других.

Произведения В. Тендрякова полемичны, остры. Споры с автором возникают тогда, когда в его образах честных, деятельных людей незаконмерно сказывается пассивность.

В повести «Тройка, семерка, туз» писатель заостренно представляет историю, в которой благородная борьба человека не дала результатов, а, наоборот, привела к моральным и физическим жертвам.

В. Тендряков освещает такие уголки психологии, где еще не отмерли корни эгоизма, жажды легкого обогащения. В образе Егора Петухова это раскрыто особенно сильно и правдиво. Сам этот человек ограничен, но художественный образ Егора богат верными мотивировками низких страстей и не украшающих его поступков. Стоит он перед глазами, этот Егор, и заставляет думать: помни об индивидуалисте, при определенных условиях

страсть к наживе вспыхнет в нем с бесовской силой; голову человек потеряет и натворит всякого.

Если Егор Петухов, так сказать, скрытый «носитель пережитков», замкнутый в себе человек, душевная гниль которого может изломать судьбу его самого и окружающих при неожиданных трудных обстоятельствах, то преступник Николай Бушуев — активно вредный тип. Он все делает для того, чтобы тянуть за собой других, играет на их слабостях и недостатках, создает вокруг себя нужную ему обстановку дурмана.

На далеком, маленьком лесосплавном участке бывший заключенный Бушуев появился неожиданно. Едва не утонул он при переправе через бурный порог, да был спасен рабочим Лешкой Малинкиным. Все радовались спасению человека. Казалось, он, Бушуев, и сам рад моральному возрождению. «Мне уж не двадцать лет. Что-то нет охотки дальше в казачки-разбойнички играть».

Подкупающе искренне говорит Николай Бушуев. Поверил ему мастер участка Александр Дубинин. Тепло приняли Бушуева в своем общежитии лесосплавщики. Но добыл Бушуев неизвестно где колоду карт, стал помаленьку втягивать людей в игру. Разжег страсти. Обчистил всех, а особенно скупца Егора Петухова. Запугал угрозами своего спасителя Лешку Малинкина. Решил сбежать, да столкнулся в последний момент с Дубининым, кинулся на него с топором, однако сам получил нож в грудь.

Ни в какой степени писатель не хочет «обелить» Бушуева, проявить к нему жалость. Бушуев не стремится ни к какой «перековке», он лишь ловко спекулирует на чувствах доброты и доверия к человеку. Автор обнажает его вероломство. Да, обнажает, обличает — таков тон повести о физическом спасении и еще более глубоком нравственном падении преступника. В этом, например, смысл последней встречи Бушуева с Дубининым. Задумав выманить свой паспорт у Дубинина и затем убить его, Бушуев заводит сентиментальную речь: «Помнишь, Саша, — с прежним миролюбием говорил он, — ты меня спрашивал, хочу ли я домой. Я там семнадцать лет не был, с начала войны... Вот и запало: приехать бы туда, взять бы в жены бабу с домом. С деньгами-то любая примет. Жить, как все. Надоело по свету болтаться, надоело, когда вертухай за спиной стоит...»

Бушуев хитер, понимает, на какой струне можно

сыграть. Ведь однажды он уже обманул лесосплавщиков и Дубинина подобной погудкой. Это — сильные стороны повести. Но перед кем поставлен Бушуев? Перед слабой, внутренне разъединенной группой людей. Двадцать пять человек в общезнании оказались безвольными, недалекими. Бушуев без труда подкупил их своими песнями «о тоске и неволе, о любовных изменах, об убийствах из ревности». Легко заарканил он многих картежной игрой. Один Дубинин мог бы противостоять чумной заразе, но он не захотел вмещиваться до поры, до времени: «Пусть. Спихватятся — тут-то он и появится, тут-то скажет свое «баста». Рассказывая о картежной игре, автор уже не вспоминает об индивидуальных качествах людей, получается, все они одинаково подвержены пороку или, в лучшем случае, лишь равнодушны к нему. Все! Тут и случается главный «перебор», который порождает впечатление, словно Бушуев попал в стан простаков и вертит ими, как вздумается.

Многообразие характеров, показанное вначале, ступсешалось, растворилось... Когда сбивается фокус киноаппарата, лица на экране расплываются. И тут вышло то же. Автор словно забыл, что герои его повести — мастера, «артисты в своем деле», люди строгой товарищеской морали, которые не любят ездить на чужой хребтине и любому за это кости прощупают. А на поверку? Да, по всем статьям оказались они битыми семерками. Свойственные Егору Петухову порочные страсти скупца жадюги, перенесены на всех. Конечно, это «обыкновенные человеки», со своими сучками и задоринками. Можно понять, что психоз картежной игры заразителен и является той почвой, на которой оживают пережитки. Но неужели настолько слаба сопротивляемость *всех* лесосплавщиков?

Итак, в повести «Тройка, семерка, туз» резко раскрывается то отрицательное, что мешает активизации добрых начал и творческих сил. Борьба против вредного, лживого, вероломного, чем отравляют атмосферу бушуевы, борьба необходимая и справедливая. Особенно нужно выделить непримиримость к собственническому эгоизму, корыстолюбию, так жестоко ломающих егоров петуховых. Егор как бы продолжение Силантия Ряшкина, только в иных условиях. Собственнические пережитки сплетают еще тяжелыми путами души тех, кто им

подвержен. Они антигуманистичны, эти пережитки, в них гнездятся корни пороков. Отмахнуться от борьбы с ними нельзя, ибо это часть общего фронта борьбы за свободного, цельного, честного человека.

В своих произведениях В. Тендряков избирает, казалось бы, очень различные проблемы. На первый взгляд нет близкой связи между происшествием на лесосплаве и странным случаем на охоте, о котором идет речь в повести «Суд» («Новый мир», 1961, № 3). Однако при всем различии сюжетов, персонажей, конкретных жизненных обстоятельств эта связь есть — она идет по нравственной линии «как жить?». Можно сказать, писатель как бы разными сторонами поворачивает одну тему, переходит от решения одной задачи к другой. В «Суде» он выделил вопрос о честности и правдивости человека перед самим собою.

Старый охотник Семен Тетерин, фельдшер Митягин и начальник строительства большого деревообделочного комбината Дудырев оказались участниками сложной драмы. Кто-то — Дудырев или Митягин — случайно, без всякой преднамеренности убил молодого парня. И вот подробнейшее расследование трагического случая. Как ведут себя люди в такой ситуации: следователь Дитятичев, прокурор Тестов, председатель колхоза Донат Боровиков?.. Как выдерживают они нравственное испытание?

Бездушно-чиновничье поведение Дитятичева. И, в сущности, от него больше всего бед — по карьеристским соображениям он хотел бы выгородить Дудырева, всю вину взвалить на слабого и робкого Митягина. Дитятичев так ведет следствие, что убивает у людей веру в правду и справедливость. Здесь — обличительное острие повести Дитятичев запутал и толкнул на ошибочный путь Семена Тетерина. Старый охотник не знает, что и как противопоставить лжи, сам оказывается в положении лжесвидетеля. Это как бы «страдательный результат» подлости.

Но стоит обратить внимание и на другое — Дудырев не только негодует на Дитятичева, но и сам начинает взыскательней оценивать всю свою деятельность, строже относиться к себе и своим поступкам: «Он возмущался следователем. А сам?.. Настаивал строить не капитальное жилье, а бараки, приводил веские доводы — быст-

ро, дешево, просто! Главное, просто! Не надо будет изворачиваться и экономить, не надо задумываться, откуда оторвать рабочую силу, не надо беспокоиться, что сорвешь утвержденные планы. Проще! Легче! Разве это не называется «искать под фонарем?»» Позицию Дудырева нужно особо отметить: она имеет большое значение для уяснения смысла повести. Столкновение с отрицательным заставляет Дудырева требовательней анализировать собственные действия, повышать нравственные критерии, не искать упрощенных и облегченных решений.

Однако некоторые рецензенты самую низкую «оценку за поведение» поставили прежде всего Дудыреву. Оказывается, он стремится к честности только потому, что со спокойной совестью удобнее жить. Будто он почти все растерял из чистых «природных качеств». У него находили лишь остатки «врожденной честности, которая была когда-то присуща ему самому и наверняка была свойственна его нравственным предшественникам. Потом он ее как-то не смог сберечь, растерял. Осталось от нее небольшое — вот это надсадное стремление к ней»¹.

В повести «Суд» есть нечеткость, противоречивость авторского толкования моральных проблем. Но правильно ли так «разделяться» с образом Дудырева? Дудырев уличается рецензентом в утрате «врожденной честности» и отрыве от народа на том основании, что при разборе трагического случая взвешивает то один, то другие аргументы; испытывает смятение. Ах, так, значит, у него лишь «тренированное благородство», он полон «неуверенности в своей благородной сути»; наконец, «идя на обман, соглашаясь с полуправдой, Дудырев пускается на браконьерство самого преступного толка».

Как говорится, разделан Дудырев под орех, до конца морально изничтожен. Однако при этом совсем не принято во внимание, как развивается его характер, что он преодолевает и что нравственно приобретает. И. Борисова «подстреливает» героя раньше, чем он выслушан и понят полностью. Тем самым признается как бы несущественным раскрытие духовного процесса — подай сразу человека «оформившегося».

А полностью раскрывается Дудырев именно на суде. Тут видно, что он приобрел, чем нравственно обогатился

¹ Борисова И. Так случилось... — «Литературная газета», 1961, 27 апреля.

и что еще остается в нем слабого, которое нужно ему в дальнейшем преодолеть.

Нельзя оставить без внимания наибольшую сложность отношений Константина Сергеевича Дудырева со всеми персонажами, в том числе с Тетериным. Конечно, Семен — человек простодушный. Дитятичев его запугал и запутал. Но в сознании самого Тетерина уживаются «совестливость» и недоверие к тому, что люди могут быть равны перед законом. Семен с самого начала, до разговора со следователем, во многом усложняет положение Дудырева, как бы толкает его использовать свою власть, свое влияние: «Люди-то, которые возле закона сидят, на тебя с почтением смотрят».

Такой поворот разговора не по душе Константину Сергеевичу: «Сообщи о том, что нашел пулю, следователю, — сухо сказал Дудырев. — А я сам ни себе, ни Митягину помочь не могу». Дудыреву приходится отвечать «сухо». Можно упрекнуть его, что он тут же не прочитал охотнику лекцию о морали. Но, право же, обстоятельства к ней не располагали, он действительно не знает, чья была пуля.

Отказывается Дудырев от намека следователя Дитятичева облегчить положение его, начальника строительства. Дудырев не поддается на соблазнительную уловку, более того, решительно возражает: «Бойтесь сложности, ищите истину, где светлей да удобней, а не там, где она лежит на самом деле». Недаром Дитятичев «нахмурился», понял: его ставят на место, отвергают его методы.

Смятение, сложность переживаний Дудырева понятны. Но он стоит на том, что перед законом все равны, не «топит» Митягина, а добивается справедливого решения для обоих: «Я не считаю себя совершившим преступление, а следовательно, не считаю преступником и Митягина».

Если же суд не согласится с моими доводами, посчитает нужным вынести наказание, то это наказание я в одинаковой мере должен нести с Митягиным».

Если идти от того, что есть в самой повести, Дудырев выдержал трудное испытание, хотя в дальнейшем ему придется извлечь еще более глубокие уроки. Он хочет добиться верного решения и по закону и по совести. Зачем же отнимать у Дудырева его благородство? Но так как автор часто «мешает» персонажам поступать сооб-

разно своим характерам, в повести логические выводы не совпадают с художественным изображением. Поэтому старого охотника видишь и воспринимаешь иначе, чем «объясняет» его писатель. Человек от природы прямой, честный, неиспорченный, но посмотрите, как поступает Семен. До трагического случая он не замечал в себе существенного изъяна: «Считал, что все люди плохи, такой, как Дудырев, спасает свою шкуру, не мучится совестью... Было утешение, теперь нет».

Как только заварилось крутое дело, сразу выступила слабинка Тетерина. Семен вовсе не безгрешен, автор понимает это и тем не менее «вытягивает» его на роль первозданного хранителя законов совести и чести. Нет, никак нельзя обойти противоречий произведения. Заключительной фразой: «Нет более тяжкого суда, чем суд своей совести» — повествованию придано не то звучание, которое определяется сущностью изображенных событий и характеров.

Оправданной другое рассуждение Дудырева: «Истинная любовь деятельна». Это перекликается с тем главным, что интересней всего в повести «Суд», — с тем, как надо бороться за честность, правдивость. А суд совести должен поверяться широкими принципами общественно-го долга.

После публикации повести В. Тендрякова «Короткое замыкание» (1962) о ней широко заговорили. И это произведение В. Тендрякова, подобно предыдущим его книгам, оказалось актуальным. Писатель нередко стал обращаться к сюжетам резко необычным, в какой-то мере «экспериментальным». При этом он «захватывает», как правило, целую серию проблем, из которых одни решает полнее, другие — пунктирнее.

В повести «Короткое замыкание» мне кажется особенно важным для понимания ее образ и толкование «звездного часа» человека.

С ним в повести связан основной конфликт двух центральных персонажей, и о нем я хочу сказать более детально.

Инженер Столярский, мечтающий о своем «звездном часе», неприметен. Встретившись с ним, «люди сразу же его забывали». Правда, в жизни он немалого достиг, однако, как ему кажется, не развернулся в полную силу. «Пока он просто служил... Но великое дело случай. Он

может, думалось, заурядного человека поднять так, что народы через века будут помнить его имя... Он не мечтал выскочить в Наполеоны. Он просто терпеливо ждал чего-то, каких-то благоприятных обстоятельств, которые бы помогли ему развернуть свои скромные способности. Скромные! Нет, это лишь так, по привычке говорится. Сам-то он знал цену своим способностям. Но свой «звездный час» он упустил. Почему?

Прежде чем вникнуть в душу этого персонажа, нужно коснуться некоторых других вопросов и вспомнить о тех литературных героях, которые не ждали случая, а искали, действовали, ввязывались в водоворот конфликтов. Таковы Давыдов, Нагульнов, Разметнов, Майданников, Ипполит Шалый («Поднятая целина»), Бахирев («Битва в пути»), Кирилл Извеков («Костер»), Степан Конкин («Память земли»), Сергей Крылов («Иду на грозу») и многие другие.

Повышенное внимание к личной общественно-политической активности наших современников обострило тему «суда совести» в романах и повестях «Две жизни» С. Воронина, «Совесть» Д. Павловой, «Горный ветер» и «Не отдавай королеву» С. Сартакова, «Путь к себе» Ф. Таурина, «У памяти свои законы» Н. Евдокимова, «Прямая линия» В. Маканина, пьесе «Четвертый» К. Симонова...

В повести «Короткое замыкание» — новый для писателя жизненный материал: город, крупная энергосистема, химический комбинат... Иные характеры — не сельские жители.

Но дело не только в том, что «Короткое замыкание» — книга о горожанах. В. Тендряков стремился придать новое наполнение теме «суда совести». Он избрал такую ситуацию, в которой неотвратимо выступает на первый план испытание воли, проверка души действием и ответственностью. Отсюда и особенности композиции: в «Суде» были показаны разбор происшедшего, в «Коротком замыкании» все события разворачиваются в момент аварии, в один вечер; там — судебное следствие и моральные последствия, здесь — все сосредоточение воли в самое критическое мгновение. Нельзя не отметить также — конфликтный факт в «Коротком замыкании» еще более драматичен, чем в «Суде», ибо непосредственно затрагивает судьбы целого города и множества людей. Шире общественные ассоциации, возникающие в связи с ним.

В. Тендряков нередко задает читателю загадки, которые нелегко разрешить. Мне кажется, его логические выводы не всегда органично сливаются с изображенными характерами. Его полемичность бывает односторонней. Порою он лишь указывает на сложность явлений, но не распутывает их до конца. В его обостренно-событийных сюжетах выпадают иногда важные звенья, и потому ослабляется диалектичность мотивировок.

Так, в «Коротком замыкании» он осуждает управляющего энергосистемой Соковина за чрезмерное преклонение перед «проблемами», которые мешают ему видеть живых людей. Но, помимо «чрезмерности», достается и самим «проблемам», без которых никак не поставишь гуманизм на прочные материальные основы. Указывая на это противоречие, В. Озеров резонно замечал: «Как бороться и способен ли бороться за свои идеалы Вадим, мы не знаем, зато в своих декларациях он фактически осуждает не только порочные методы отца, но и важность самих дел, тех проблем, которые решаются в реальной жизни. В этом смысл его размышлений, лейтмотив которых выражен в словах: «...не только в эту минуту, а всегда отец считал: прежде всего проблема. Проблема — бог!»

Кто спорит, неверно обожествлять «проблемы». Другой вопрос — можно ли добиться счастья для людей, ограничиваясь декларацией о внимании к ним и не решая практически массу этих самых политических, хозяйственных, производственных «проблем»¹.

В повести большое значение имеет призыв быть внимательней, отзывчивее к каждому человеку. Но можно ли только недостатком доброты у Соковина объяснить слабость воли, нерешительность, несамостоятельность людей из его окружения, таких, как главный диспетчер энергосистемы Василий Васильевич Столярский?

С этим-то человеком, мечтавшим о своем «звездном часе», и связан важнейший конфликт повести, хотя он «пересечен» другими конфликтами и потому не сразу примечается. Говорят, основной драматизм развивается по линии отношений отца с сыном: «Ивану Капитоновичу Соковину в повести противостоит сын Вадим, главный

---

¹ Озеров В. Живое дело, творческая мысль.— «Правда», 1962, 13 мая.

энергетик химического комбината. Он — другой полюс...»

Интересно остановиться именно на этом мнении, потому что оно было высказано в первой рецензии на «Короткое замыкание». Автор ее — прозаик Э. Шим¹. Кажется бы, так оно и есть. Уже на первых страницах возникает спор между двумя Соковиными, отмечены их похожесть и различия: «У отца лицо крепкой чеканки, у сына оно мягкое, щекастое. Отец порывист, напорист; сын склонен к задумчивости, на первый взгляд может показаться вялым». Горчайшие переживания Соковина-старшего, очень сильно изображенные, вызваны известием о смерти Вадима во время аварии (но оно оказалось ошибочным, погиб другой человек). Смягчение Ивана Капитоновича объясняется этими переживаниями, когда он узнал всю меру страдания, осознал через это значение каждой личности и понял, насколько важна гуманность.

Да, этот конфликт развернут в повести. Но его нельзя отрывать от конфликта Столярского с Соковиным. И тогда более объемно видишь проблематику книги. Э. Шим не остановился на конфликте Столярский — Соковин, лишь однажды, для иллюстрации, вспомнил о ссорах Василия Васильевича. Между тем столкновение управляющего и главного диспетчера энергосистемы на морально-этической трассе вызвало не менее значительное короткое замыкание, чем на линии электропередачи.

Спор отца с сыном сразу достаточно ясен. Можно даже сказать: здесь полемичность не так уж полемична. Вывод, вполне справедливый, легко предугадывается с первого диалога: нужно больше внимания к людям, и не вообще к людям, а к каждому человеку. Конфликт Столярского и Соковина сложнее, охватывает больший круг проблем. Не случайно, что он, этот конфликт, и освещен подробнее. Нелишне напомнить: с нарастанием развивается он в 8—10, 13—16, 20, 31, 38-й главах. Это лишь те главы, где прямо присутствует Василий Васильевич. А к конфликту этому имеют отношение и другие персонажи.

Василий Васильевич — второй по значимости персонаж в повести. Не менее строго, чем Соковин, стоит он

¹ Шим Э. Всего четыре часа... — «Литературная газета», 1962, 3 апреля.

перед судом времени и также отвечает за полноту, многогранность понимания гуманизма.

Весьма существенно учитывать и обстоятельства, формирующие характеры и личную волю каждого человека. Широкие демократические основы нашего гуманизма обращены на развитие инициативы, почина, самостоятельности, на превращение личной воли человека в действенную силу борьбы за прогресс. Подлинная любовь к человеку предполагает и общественную требовательность к нему, его ответственность за себя. Однако личная активность, воля приобретают однобокое, а то и индивидуалистическое направление, если используются только для частного самоутверждения и самовыражения. Наоборот, ценность их возрастает, когда они направлены на благо общества.

О мужестве, смелости, решительности как неотъемлемых чертах гуманизма идет речь в конфликте Соковина и Столярского. Василий Васильевич всю жизнь вынашивал в душе мечту о своем «звездном часе». Верилось — должен же наступить такой момент, когда ярко обнаружится вся его духовная ценность, сила его натуры и ума, он сможет сделать что-то «большое, чем делал ежедневно, что-то выходящее из его будней».

Мечты эти естественны. Однако упование на случай — не лучший двигатель для осуществления их. Столярского можно пожалеть за выбор иллюзорного пути, необходимо вскрыть его слабости. Наступил его «звездный час». Василий Васильевич мог, даже обязан был, проявить свои лучшие качества. Критический момент — авария на электролинии, угрожающая огромной катастрофой городу, поставила Столярского в положение главного человека. От него зависела судьба многих людей. От его решительности. От бесстрашия взять на себя великую, рискованную ответственность. «Решайся, Василий Васильевич!» — как бы готов подсказать ему читатель.

Но Столярский не может решиться. Воля его парализована боязнью личной ответственности, листком бумаги, регламентирующим каждое действие. Между тем, заметим (это очень важно), другие, каждый на своем участке, поступают решительно. Запомним голос безымянного инженера Чернушкинской ГРЭС: «Отключаюсь сам, на свою ответственность!» Запомним телефонный

разговор главного инженера Игната Голубко с управляющим, «непробиваемое спокойствие» Игната, смелость отпора на обвинения и вообще выдержку: «Истерикой тучу не отведешь, так что не вздумай отменять праздник».

А Столярский так ни на что и не решился. В диспетчерской управление на себя взял Соковин. Сразу отключил весь город. И, надо сказать, Иван Капитонович вызывает здесь уважение читателя. Смелость поступков. Четкость действий. Наибольшая нагрузка ответственности — на себя.

В критический момент Соковин и Столярский имели равные возможности проявить свой характер. Более того, у Василия Васильевича эти возможности были большие: только он имел право распоряжаться на пульте управления. «Может, власть Ивана Капитоновича делает его дерзким? Но сейчас-то он занял его, Василия Васильевича, место, пользуется его властью».

Дальше конфликт течет по новому руслу. Начинается объяснение происшедшего, раскрытие моральных причин «аварийного замыкания» в отношениях людей. Здесь много интересного, но думается, не всех мотивировок писателя достаточно.

Внимание автора прежде всего приковано к вопросу: кто виноват в нерешительности Столярского? А у читателя возникает другой вопрос: справедливо ли отводить в тень личные слабости главного диспетчера?

Правда, Василий Васильевич казнится и мучается: «Шел с оглядкой, не осмеливался ступить дальше отмеренного, а еще мечтал о звездном часе, о проявлении каких-то дремлющих сил. Где уж дерзновение! Знал, а не решился...» Но затем все обвинения переносятся в адрес Соковина. Защищаясь, Василий Васильевич начинает наступать: «Я семнадцать лет под вами работаю. А под вами какая уж самостоятельность». И еще, в финале повести: «Вас называют железным организатором. Ваш железный талант сковал стальную цепь, она достаточно крепка, не часто ломается, а человеческой натуре в ее стальных кольцах, простите, тесновато».

Выслушавшая исповедь и критику, Соковин, «сидел, пригнув голову». Это должно означать — слова дошли до сознания «железного организатора». Как он в дальнейшем будет «распахивать душу» — отсюда

можно было бы начинать новую повесть о Соковине.

Не будем говорить о том, что есть в сложившейся книге.

Соковина нельзя и не нужно оправдывать за его подлинные ошибки. Но — как напрашивается вывод из самого изображения событий и лиц — мало только этим объяснять безволие Столярского, его самоуглубленное созерцание своих скрытых способностей и бездейственное ожидание случая. Василий Васильевич прикрывался своей «выжидательной» философией. Она иллюзорна и несостоятельна, фактически помогает закреплять и усиливать недостатки, ошибки, связанные с соковинским забвением принципов демократизма и гуманизма. Столярский запоздало и, в сущности, только ради самого себя оправдывает свою пассивность. Её доброта до сих пор была инертной, безвольной. Правда, от его тихой мечты о «звездном часе» никому не было вреда. Но и пользы никакой не было.

Резче ополчился В. Тендряков против открыто́го, явного приспособленчества. Есть в повести персонаж, в котором как бы продолжены и заострены недостатки, присущие Столярскому, — скованность, боязнь. Но это уже другой человеческий тип.

В приятельской компании плановик Борис Евгеньевич Шацких может выглядеть милым, главным человеком. Порассуждать хорошо может. Недаром именно он заводит разговор о «великой личности». И нельзя сказать, что в словах Бориса Евгеньевича все неприемлемо. Во многом он верно объясняет характер Соковина, его «завидную дерзость», способность смело бросаться навстречу опасности. Более того, Шацких даже готов оправдать ошибки Соковина: «Ворочая громадой, Иван Капитонович неизбежно кого-то придавит, неизбежно по чьим-то судьбам пройдут трещины, чья-то жизнь расколется». Однако все эти оправдания логичны в его устах лишь до того, пока дело не коснулось самого Бориса Евгеньевича. А сам он от любой, от малейшей ответственности — скорей в кусты.

Тут и речи другие: «Лес рубят — щепки летят, порой и прохожему в глаз попадает». Шацких даже без примитивной заботы об этике убегает, как только узнает о беде. Образ этот, самый сатиричный по тональности, заставляет отчетливо понять, как важно подлинное соеди-

нение действенности и доброты, решительности и человечности.

«Звездный час» может наступить для Соковина, Голубко... Никогда не наступит он для шацких, ибо у таких «прохожих» слишком куцы мечты и до крайности развит эгоизм.

Огромно значение личной воли, энергии, инициативы, настойчивости каждого человека. Здесь и вспоминаются такие несгибающиеся люди, как Игнат Голубко или инженер Чернушкинской ГРЭС.

В статье «Парадоксы Владимира Тендрякова»¹ Д. Стариков правильно отметил, что писатель не остановился в своих чкзаниях, интенсивно работает, и притом «работает вгл. ь». Оправданно задумался критик и о том, какие уроки может извлечь Соковин из происшедшего. Но учтено здесь не все. Да, к урокам еще не раз должен будет вернуться Иван Капитонович. Как искать новый путь?

Увы, писатель поставил его (Соковина.— В. П.),— пишет Д. Стариков,— в такое положение, из которого он способен вынести «лишь» то, что не утратил Вадим, не растеряла Елочка: потребность искренне сочувствовать другим, не оставаться равнодушной».

На мой взгляд, ситуация в повести сложнее: по книге видно, что Соковин не ограничится этим «лишь». Чувствуется — пережитое заставит его понимать больше, видеть дальше. К этому выводу и подводит нас писатель, понимая, что путь преодоления ошибок не будет гладким, легким, освоение идей и принципов действия потребует немалых усилий. Ведь не случайно в самом финале на праздничный вечер снова вернулся — бочком, смущенно пробрался в уголок — Шацких. А из этого следует: не все еще из своего старого отринул Иван Капитонович, оно еще будет напоминать о себе то ли славословиями, то ли примиренчеством, то ли заискиванием...

В. Тендряков закончил книгу словами: «Через пять минут Новый год, триста шестьдесят пять новых дней. Как их прожить? Стоит подумать». К этому напрашивается добавление: а как сочетать раздумье с реальными новыми действиями?

---

¹ Стариков Д. Парадоксы Владимира Тендрякова.— «Литература и жизнь», 1962, 25 мая.

В повести «Короткое замыкание» В. Тендряков осветил сложную проблему об обстоятельствах, личной воле и «звездном часе» человека. Мы уже говорили о противоречивости в ней. В повести неправоммерно отделены чуткость, внимательность от проблем «экономической выгоды», тогда как наиболее перспективный путь — органическое сочетание, объединение того и другого. Но мы ценим повесть за то, что она вскрывает ошибочные и побуждает искать верные пути развития социалистического демократизма.

Испытание боем

Почему советская литература до сих пор продолжает столь пристально заниматься военными событиями? Известно, сколь много заключено для нас в этом времени грозных событий, как сильна и поучительна память о них. По-прежнему волнуют, часто потрясают сами факты борьбы, подробности героических сражений и конкретных легендарных биографий. Воспроизведение фактов само по себе важное дело. Но сегодня мы ждем от военной прозы и значительно большего: глубокого историзма в изображении битвы с фашизмом и более многогранного, философского осмысления ее роли в современной действительности.

Литература стремится полнее ответить на новые запросы читателя, теснее раскрыть взаимосвязь событий и человеческих судеб, углубить понимание опыта истории.

Нельзя сказать, что буквально все новые произведения становятся выше тех, которые были созданы в период войны или вскоре после нее. Известно, насколько богата и документальная и художественная литература о войне. Новые книги призваны не просто восстанавливать факты минувшего, но и решать проблемы, возникающие в ходе жизни. Таким и является само направление очерков и рассказов С. С. Смирнова о героических событиях и биографиях, художественно-документальных записок А. Кривицкого «Подмосковный караул», романов и повестей «Солдатами не рождаются» К. Симонова, «Дикий мед» Л. Первомайского, «Танки идут ромбом» А. Ананьева, «Через кладбище» П. Нилина, «Материн-